Л.Л. Ивченко
L.L. Ivchenko

ЗАМЫСЛЫ И ИТОГИ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ В ДОКУМЕНТАХ, ПИСЬМАХ, ДНЕВНИКАХ И МЕМУАРАХ ОФИЦЕРОВ РОССИЙСКОЙ АРМИИ

THE INTENTION AND THE RESULT OF THE BORODINO BATTLE IN THE DOCUMENTS, LETTERS, DIARIES, MEMOIRS OF THE OFFICERS OF THE RUSSIAN ARMY

Автор исследует и сравнивает представления о генеральной битве военачальников 1-й и 2-й Западных армий в июле-августе 1812 г. Автор обращает особое внимание на точку зрения главнокомандующего М.И. Кутузова. В статье также содержится анализ мнений о месте Бородинского сражения в ходе всей военной кампании, и как это отразилось в разных видах источников.

The author investigates and compares the ideas of the military leaders of the 1st and the 2nd Western Armies on the matter of the general battle. The author especially pays her attention to the point of view of the super leader M. Kutuzov. The article also contains the analysis the opinions on the place of the Borodino Battle in the military campaign on the whole as it is reflected in the different kinds of origins.

*Ключевые слова:*1812 год, «оборонительная война», Бородино, источники и историография.

Keywords: 1812, “Defensive war”, Borodino, origins and historiography.

22 сентября 1812 г. из села Тарутина Калужской губернии, где русская армия занимала фланговую позицию по отношению к войскам Наполеона, находившегося в Москве в тщетном ожидании мирных переговоров, Главнокомандующий всеми Российскими армиями генерал-фельдмаршал светлейший князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов направил письмо калужскому городскому голове

И.В. Торубаеву письмо, в котором определялась дальнейшая судьба неприятельской армии: «Истребление сил его, недостаток в продовольствии и совершенная гибель предстоит ему неизбежно <…>»[1]. Вряд ли мысли о подобном завершении войны пришли полководцу в голову в минуту написания письма, даже не на Военном совете в Филях, где он уже вполне определенно высказал свои мысли о продолжении военной кампании 1812 года в России.

Кутузов прибыл к армии после победоносного завершения им Молдавской кампании 1811–1812 гг.: ему удалось разбить, окружить и заставить капитулировать армию Великого визиря. В части уничтожения живой силы неприятельских армий полководец был, как явствует из его высказываний, максималистом. Так, еще в 1805 г., предлагая не вступать в генеральное сражение при Аустерлице, он был уверен, что сможет добиться победы над армией Наполеона, вынудив его растягивать коммуникацию. Тогда «его спросили, где же предполагает он дать ему отпор? Кутузов отвечал: “Где соединюсь с Беннигсеном и пруссаками; чем далее завлечем Наполеона, тем будет он слабее, отдалится от своих резервов и там, в глубине Галиции, я погребу кости французов”»[2]. Представляется, что именно в свете этих взглядов на «большую стратегию» следует рассматривать цели, ход и результат Бородинского сражения, которое, имело огромное влияние на весь ход Отечественной войны 1812 года, но не могло привести к «гибели всего нашествия».

Необходимо выяснить какое именно место отводилось генеральному сражению не только в «видах» М.И. Кутузова, но и его ближайших соратников, так как впоследствии именно в соответствии со своими представлениями они оценивали результаты Бородинской битвы, что не могло не сказаться на отечественной историографии, на которую, в силу особых причин, оказала сильное воздействие и «наполеоновская легенда». Для того, чтобы определить место сражению при Бородине в замыслах Кутузова, следует обратить особое внимание не только на документы, относящиеся к пребыванию русской армии на Бородинском поле, но расширить хронологические рамки исследуемых источников 11–31 августа 1812 г., уделяя внимание не только документам, но и источникам личного происхождения (письмам, дневникам, воспоминаниям). Особое значение в этом случае имеет не только содержание источ-

ников, но и текстологический анализ, выявляющий не только мысли, но оттенки чувств авторов, из числа тех, кто имел непосредственное влияние на ход событий.

Попробуем определить отношение к перспективам предстоящей битвы в пределах Московской губернии, прежде всего, высших чинов 1-й и 2-й Западных армий, упомянутых в приказе Кутузова от 18 августа 1812 г.: «Высочайшим его императорского величества повелением вручено мне предводительство1-й, 2-й, 3-й Западных и бывшей Молдавской (Дунайской. — *Л.И.*) армий. Прибыв ныне лично к первым двум, отныне впредь все донесения от них его императорскому величеству государю императору не иначе восходить будут, как чрез меня повергаемые. Власть каждого из гг. главнокомандующих армиею остается при них на основании «Учреждения больших действующих армий». Г. генерал от кавалерии барон Беннигсен состоять будет относительно ко мне на таком же основании, как и стоят начальники главных штабов относительно к каждому из гг. главнокомандующих армиями»[3].

«Светлейший», как часто называли его современники, принял командование 1-й и 2-й Западными армиями у М.Б. Барклая де Толли, которого, согласно историографической традиции, считают последовательным сторонником «скифской» или «оборонительной» войны на истощение. Великий поэт А.С. Пушкин так выразил драматизм ситуации, в которой, по его мнению, оказался Барклай: «И на полупути был должен, наконец, безмолвно уступить и лавровый венец, и власть, и замысел, продуманный глубоко…»

Попробуем проследить, насколько глубоко был продуман «замысел», как историографическая традиция соотносится со сведениями синхронных источников. Речь идет о документах, которые вышли из-под пера Барклая де Толли еще в тот период, когда он командовал 1-й Западной армией, то есть до того, как им был создан известный цикл «Оправдательных» писем (ноябрь 1812 года — январь 1813 г.).

Содержания первого же по времени рапорта Барклая де Толли Кутузову от 16 августа 1812 г., в котором он отчитывается в своих действиях со времени отъезда императора из армии (7 июля), говорит само за себя: «Трехсуточное генеральное сражение под Витебском <…> окончилось бы генеральным сражением, когда в самое то время не получил бы я известие от князя Багратиона о неудачном предпри-

ятии на Могилев <…>. Происшествия под Смоленском Вашей Светлости, конечно уже известны через Всеподданнейшие мои донесения Государю Императору. Князь Багратион со второю армиею спешил занять Дорогобуж, дабы неприятель не мог его предупредить на сем пункте <…>, удерживал я неприятеля у Смоленска целые два дни, хотя и с немаловажною потерею. Если оставить князя Багратиона одного, то он не в состоянии бы был устоять противу превосходящего его неприятеля, и потому решился я присоединиться к нему <…> около Дорогобужа, где и нашлась позиция, в которой можно было принять сражение…»[4]. Замечание в отношении последнего намерения, заявленного в рапорте, содержится в записках А.П. Ермолова: «Позиция была занята стесненная и обращенная в противную сторону»[5], то есть под Дорогобужем русские войска были обращены тылом к неприятелю, что уже делало их успех весьма сомнительным.

Этот «сакраментальный» факт нашел весьма яркое подтверждение и в записках И.С. Жиркевича. Казалось бы, что может поведать о соображениях высшего командования артиллерийский поручик, не окажись он случайно уроженцем той самой Смоленской губернии: «Меня откомандировали фуражировать в тылу наших. <…> Приехавши в одну деревню, приказал команде отправиться по дворам для отыскания овса и сена <…>. Вдруг подходит ко мне человек и называет меня по имени. Не узнавши его, я спрашиваю, кто он и что ему нужно. Он отвечает, что он — человек моего дяди и что удивляется, как я приехал на эту дорогу за французами <…>. Как же я удивился и вместе с этим испугался, когда он удостоверил, что это и есть самая деревня дяди, и что я, вместо того чтобы ехать в тыл армии, сам теперь нахожусь впереди оной и почти на носу у французов!»[6]. Ошибку квартирмейстерской части, по свидетельству А.П. Ермолова, обнаружил все тот же князь П.И. Багратион, по вине которого, со слов М.Б. Барклая де Толли, так и не состоялись задуманные им сражения под Витебском, под Смоленском и, наконец, под Дорогобужем… Таким образом, в те нелегкие дни Барклай вовсе не намерен был брать на себя ответственность за отступление в глубь российской территории, перекладывая ее на Багратиона.

Очередное твердое намерение Барклая дать неприятелю сражение под Царевым-Займищем Ермолов позже прокомментировал так: «Сомнительно, чтобы главнокомандующий не имел известия о на-

значении князя Кутузова. Ускорение работ на занимаемой позиции обнаруживает намерение его дать сражение до его приезда. Как военный министр он знал, что армия никаких подкреплений иметь не будет, что Кутузов равными, как он, распоряжая способами, не большую может допускать надежду на успех; решился предупредить его в том, что конечно было поставлено на вид одним из важнейших предметов»[7].

Но, спустя несколько месяцев, в последнем из своих «Оправданий» (27 января 1813 г.) на имя императора Александра I Барклай де Толли уже с вдохновением писал: «…Я влек неприятеля за собою, удаляя его от собственных выгод; … я ослаблял его частными битвами, в которых я всегда одерживал верх. Он ни шага не делал вперед без моего позволения. Когда я дошел до конца этого плана и готов был дать решительный бой, князь Кутузов принял командование армий»[8]. Ранее (9 ноября) в «Изображении военных действий 1-й Западной армии» Барклай выразился еще более категорично: «Я избегал генерального сражения до известного времени, по началам зрело рассчитанным, и строго держался этих начал, смеясь над всем, что говорилось против моих соображений, и, наконец, я дал бы сражение, но перед Гжатском — при Цареве-Займище. Я убежден, что побил бы неприятеля <…>. И если бы даже испытал неудачу, то никогда бы неприятель не занял Москвы, потому что я направил бы мое отступление не на Москву, а на Калугу <…>». Заверения в том, что именно он, Барклай, наверняка разбил бы Наполеона во «встречном» сражении и никогда не допустил бы его до Москвы, пробудило в Александре I чувство сарказма, выраженное в ответном письме: «<…> Так как в Ваши планы входило дать неприятелю рано или поздно генеральное сражение, то не все ли было равно дать его у Смоленска или у Царева-Займища?»[9]

Синхронные источники явно противоречат тому, что М.Б. Барклай де Толли сознательно уклонялся от генеральной битвы, коль скоро он обвинял в отступлении то П.И. Багратиона, то главнокомандующего 3-й Западной армии А.П. Тормасова. Так, в письме Ф.В. Ростопчину от 10 августа, он рассуждал о своих стратегических планах, нарушенных «недеятельностью» генерала Тормасова, высказав определенное намерение вступить в сражение с неприятелем: «Находясь в безысвестности о 3-й армии и не имея довольного

числа войск, чтобы одними движениями прикрывать все пункты, мы находимся в необходимости возлагать надежду нашу на генеральное сражение. Все причины воспретившие давать оного, ныне уничтожаются. Неприятель слишком близок к сердцу России, и сверх того мы принуждены всеми обстоятельствами взять сию решительную меру, ибо в противном случае армии были б подвержены сугубой погибели и бесчестью и отечество, не менее того, находилось бы в той опасности, от которой, с помощью Всевышнего, может избавиться общим сражением…»[10]. По мнению Барклая, единственным средством предотвратить «сугубую погибель» Отечества, не имея «довольного числа войск» и при «безысвестности о 3-й армии», являлось все же генеральное сражение.

Можно утверждать со всей определенностью, что свое пребывание на посту командующего (термин выбран специально. — *Л.И.*) соединенных армий Барклай де Толли намерен был завершить генеральным сражением до прибытия Кутузова, по-видимому, не дожидаясь резервов и взаимодействия фланговых армий, даже связывая с генеральным сражением исход всей кампании, каким бы он не оказался.

Как относился к перспективе генерального сражения главнокомандующий 2-й Западной армии князь П.И. Багратион? После него исследователям остались в наследство только синхронные источники; судьба не предоставила ему возможности «домыслить» события задним числом. И в том числе ответить на критику Барклая де Толли, который, создавая весь цикл своих «Оправданий», вероятно, сознавал, что Багратион уже не сможет ему возразить. Вот что писал «слепой противник ретирад», как называли Багратиона в окружении императора, еще накануне приезда к армии Кутузова все тому же графу Ростопчину: «И, Боже сохрани, если теперь мне дадут команду, способу нет <...>. Ежели бы неприятель был подальше, тогда бы мог я распорядиться, а теперь нету времени, как идти на него»[11]. Он же давал советы Московскому главнокомандующему: «Постарайтесь ризницы богатые выносить ради Бога и образа богатые, чтобы им не достались»[12]. То есть, князь Багратион оценивал сложившуюся ситуацию без излишнего оптимизма. Безусловно, вступать в сражение без надежды на успех он не мог себе позволить, хотя бы потому, что командовал армией. «Есть надежда, что мы их побьем плотно,

и тогда я попрошусь командовать авангардом», — сообщал он Ростопчину 20 августа. Однако следует процитировать его письмо тому же адресату от 22 августа, отправленное с позиции на Бородинском поле («Лагерь при дер. Семеновское»): «Я так крепко уповаю на милость Бога, а ежели ему угодно, чтобы мы погибли, стало, мы грешны и сожалеть уже не должно, а надо повиноваться, ибо власть его святая»[13].

Безусловно, заслуживает внимания реакция князя Багратиона на сам факт назначения Кутузова главнокомандующим: «Слава Богу довольно меня тешут за службу мою и единодушие: из попов да в дьяконы попался. Хорош и сей гусь, который назван и князем, и вождем! Если особенного он повеления не имеет, чтобы наступать, я вас уверяю, что тоже приведет к вам, как и Барклай. <…> С другой стороны, я рад: с плеч долой ответственность; теперь пойдут у вождя нашего сплетни бабьи и интриги. Я думаю, что и к миру он весьма близкий человек, для того его и послали сюда»[14].

В словах «Второго Главнокомандующего» принято видеть исключительно выпад против личных качеств Кутузова. Но что, если Багратион, проявив проницательность, оценивал ситуацию более широко, основываясь на реалиях предшествовавших военных кампаний? В войнах 1805 и 18011–1812 гг. Кутузов в дополнение к военной власти на театре военных действий обладал подтвержденными полномочиями на ведение переговоров, отчитываясь сразу двум ведомствам: по военному (император или военный министр) и по дипломатическому (министр иностранных дел; в 1805 г. — А. Чарторыйский, в 1811–1812 гг. — Н.П. Румянцев). Заметим, что подобными полномочиями не обладали ни А.В. Суворов в Итальянской и Швейцарской кампаниях 1799 г., ни старый друг М.И. Кутузова Л.Л. Беннигсен в кампании 1806–1807 гг. В 1812 году у Кутузова не было подобных полномочий, но князь Багратион отнесся к его назначению настороженно, он принципиально не признавал сочетания в одном лице качеств полководца и дипломата. Любимый ученик Суворова был уверен: «Но придет время, конец обманам, называющимся высокою дипломатикою»[15]. Историографическая традиция считать Кутузова учеником Суворова, а Багратиона — учеником Кутузова не отражает реалий в сложных взаимоотношениях военачальников в 1812 году.

Следующими свидетелями по занимаемым накануне Бородинской битвы должностям следует признать начальников Главных штабов генерала от кавалерии Л.Л. Беннигсена, А.П. Ермолова и Э.Ф. де Сен-При. Л.Л. Беннигсен, к сожалению, не оставил письменных свидетельств, относящихся к периоду, когда все события воспринимались «не как прошлое, а как свершающееся на глазах настоящее»[16]. Но к одному синхронному источнику, автором которого он являлся, мы ввернемся ниже. Что касается его «писем» о событиях 1812 года, то в этом случае исследователю приходится иметь дело с мемуарами; если в основу этого источника и было положено эпистолярное наследие, то оно, судя по замечаниям автора, было существенно дополнено в более позднее время (1814–1816 гг.). В этом источнике автор не выражает сомнений, что сражение при Бородине имело целью защиту Москвы[17].

Начальник Главного штаба 1-й Западной армии А.П. Ермолов 6 августа направил письмо П.И. Багратиону: «<...> Надобно противостоять до последней минуты существования каждого из нас. Одно продолжение войны есть способ вернейший восторжествовать над злодеями Отечества нашего. Боюсь, что опасность, грозя древнейшей столице, заставит прибегнуть нас к миру, но сии меры слабых и робких. Все надобно принести в жертву и радостно, когда под развалинами можно погребсти врагов, ищущих гибели Отечества нашего. Благослови Бог! Умереть Россиянин должен со славою»[18]. Начальник Главного штаба 2-й Западной армии Э.Ф. де Сен-При в своем дневнике 23 августа сделал только лаконичную запись: «23-го главная квартира 1 армии в Бородине, 2 армии в Семеновке. Получено приказание ожидать неприятеля»[19]. Приведенные выше высказывания П.И. Багратиона и А.П. Ермолова свидетельствуют о том, что перспектива предстоящей генеральной битвы не вызывала у них особого оптимизма; скорее, они выражали готовность погибнуть у стен Москвы.

Как относился вновь назначенный главнокомандующий к возможности отстоять Москву в «большом сражении» в то время, как главные силы русской армии оказались в пределах Московской губернии? Представляется, что системное сопоставление синхронных источников (военно-оперативной документации, служебной и личной переписки) позволяет проследить за тем, как развивались

события с 11 по 31 августа, и какие условия Кутузов считал необходимыми для того, чтобы предпринять попытку отстоять Москву в генеральном сражении.

11 августа, на пути к армии, Кутузов отправил запрос к управляющему военным министерством князю А.И. Горчакову 1-му, текст которого говорит сам за себя: «Покорнейше прошу Ваше Сиятельство доставить ко мне следующие сведения: 1-е. О всех рекрутских депо, ныне в наличности находящихся, о числе и вооружении оных. 2-е. О тех регулярных войсках, которые внутри империи формируются; где и какой успех сего формирования происходит»[20].

В предписании Кутузова генералу Милорадовичу от того же 11 августа главнокомандующим названы обстоятельства, в которых можно было бы рисковать армией для защиты Москвы: «<…> О всем, у вас произойти имеющем, относиться ко мне в Смоленск, куда я сейчас направляюсь. Вам известно, что 1-я и 2-я наши Западные армии находятся у Смоленска в виду неприятельских. Время и обстоятельства подвинут уповательно которую-нибудь сторону к решительным действиям. Нынешний предмет состоит в преграде пути неприятельскому в Москву, к чему, вероятно, и все меры командующими нашими армиями предприняты. Но знав вас с войсками <…> в расположении от Москвы до Калуги, поставлено в виду войскам иметь вторичную стену противу сил неприятельских на Москву по дороге от Драгобужа, в той надежде, что вы, расположа войски, вам вверенные, сообразно сему предмету, противупоставите силам неприятельским их мужество и вашу твердость с тем, что найдет враг наш другие преграды на дороге к Москве, когда бы, паче чаяния, силы 1-й и 2-й Западных армий недостаточны были ему противостоять. Расположение ваше должно быть и в таком смысле, чтобы могли сии армии при надобности удобно опираться на вас…»[21]

Из текста этого предписания, так же как и из письма, направленного Московскому генерал-губернатору графу Ф.В. Ростопчину, явствует, что полководец рассчитывал присоединиться к армиям в Смоленске; в противном же случае — где должна была встать «вторичная стена» в случае падения Смоленска: «<…> Я предписал генералу Милорадовичу с войсками его взять позицию по дороге от Москвы к Дорогобужу и в случае, естли бы потребовалось ему к усилению себя войсками Московского ополчения, тогда бы

обратился к начальнику оного. К Вашему Сиятельству обращаюсь я с тем, чтобы вы по требованию Милорадовича усилили его всеми теми войсками, которые уже до некоторой зрелости в формировании своем достигли, дабы тем главные армии наши нашли себе новые источники к усилению. Сверх того покорно прошу ваше Сиятельство о состоянии всего Московского округа ополчения, о готовых оного уже силах с сим курьером доставить мне обстоятельные сведения»[22].

14 августа, не получив ни одного из предполагаемых подкреплений, ни сведений о них, Кутузов узнал, что там, где должна была встать «вторичная стена» уже находился неприятель, то есть Смоленск пал... Однако и в этой ситуации полководец попытался переломить ход событий, полагая, что он вправе распоряжаться всеми военными силами России. Он обратился к главнокомандующему Дунайской армией адмиралу П.В. Чичагову: «Должен теперь сказать положение дел: неприятель, соединивши почти все свои силы, находится уже между Смоленском и Москвы; наши две армии, по последним сведениям, около Дорогобужа. <…> Из сих обстоятельств вы легко усмотреть изволите, что невозможно ныне думать об отдаленных каких-либо диверсиях, но все то, что мы имеем, кроме 1-й и 2-й армий, должно бы действовать на правой фланг неприятеля, дабы тем единственно остановить его стремление»[23]. Тогда же Кутузов направил распоряжение генералу от кавалерии А.П. Тормасову: «Армия наша находится между Смоленска и Москвы в виду почти соединенных сил неприятеля. Таковое положение само собою удобно представит вашему высокопревосходительству, что теперь не время думать об отдаленных експедициях, но все внимание остановить быстрому ходу неприятельскому, а потому и армия, вам вверенная, скорее обращена должна быть к действиям на правой фланг стремящегося неприятеля. Я спешу к войскам…»[24]

17 августа, прибыв к войскам, полководец приказал оставить позицию, где намеревался дать сражение Барклай де Толли, и продолжить отступление. Барклай утверждал, что Кутузов оставил выгодную позицию при Цареве-Займище исключительно из «самолюбия», потому что зять полководца полковник Н.Д. Кудашев и полковник П.С. Кайсаров «оба условились заметить престарелому и слабому Князю, что по разбитии неприятеля в позиции при Царе-

ве-Займище, слава сего подвига не ему припишется, но избравшим позицию»[25]. Представляется, что этот пристрастный «нарратив» отражает субъективный взгляд автора, оценивающего ситуацию задним числом: выбор позиции — еще не гарантия на обязательное «разбитие неприятеля». Ко времени составления текста Барклай совершенно забыл о том, как он сам признавался в письме Кутузову от 16 августа в недостатках избранной им позиции: «<…> Решился взять я сего дня позицию у Царево-Займище на открытом месте, в коем хотя фланги ничем не прикрыты, но могут быть обеспечены легкими нашими войсками»[26]. Э.Ф. де Сен-При записал в дневнике: «18-го, 19-го — в Царево-Займище. Местоположение низменное и без опорных пунктов»[27]. Позиция на равнине с открытыми флангами — комментарии здесь излишни…

П.И. Багратион отнесся к оставлению позиции при Цареве-Займище с полным пониманием причин, которыми руководствовался М.И. Кутузов, принявший это решение. Он сообщал в письме Ф.В. Ростопчину от 20 августа: «Мы подвигаемся к Можайску, дабы более себя усилить. Милорадович уже доставил нам весьма хороших людей до 15 т[ысяч] и ожидаем от вас Ираклия Маркова, и тогда мы поровняемся с силой неприятельской»[28]. Как отмечал в своих мемуарах генерал С.И. Маевский: «Между тем, посреди ожиданий к упорной защите, мы слышим, что армия трогается назад. Никто не ропщет, никто не упрекает Кутузова, и пламенный Багратион принимает это, как необходимость, как благоразумие, за которое Барклая назвал бы он изменником»[29].

Генерал-майор Н.И. Ладыгин, прочитав «Изображения…» М.Б. Барклая де Толли, впоследствии рассуждал так: «<…> Безопаснее, может быть, было дать сражение ближе к Москве, нежели в Царевом Займище, дабы как можно кратчайшее было отступление, чего и ожидать должно было в том несомненном предположении, что Москва была концом стремления Наполеона»[30]. Любимый ученик М.И. Кутузова К.Ф. Толь, спустя почти три десятилетия, подтверждал эту мысль: «Не трудно понять, что наступательное движение французской армии могло продолжаться лишь до Москвы, куда сила удара, направленная Наполеоном, безусловно должна была иметь свой максимум момента <…>; но там же вся энергия этого удара должна была бы истощиться»[31]. Из всего сказанного можно

предположить, что Кутузов перед генеральным сражением не только сближался с резервами, но и сокращал дистанцию между армией и Москвой.

В день прибытия к армии 17 августа 1812 г. Кутузов обратился к Ф.В. Ростопчину с письмом, из которого становятся заметными его сомнения в возможности отстоять Москву: «<…> Не видавшись еще с командовавшим доселе армиями господином военным министром и не будучи еще достаточно известен о всех средствах, <…> не могу еще ничего сказать положительного о будущих предположениях насчет действия армии. Не решен еще вопрос, что важнее — потерять ли армию или потерять Москву. По моему мнению, с потерею Москвы соединена потеря России»[32]. Итак, в одном абзаце и «не могу еще ничего сказать положительного», и «не решен еще вопрос», и «по моему мнению»... Это и есть знаменитый «кутузовский стиль», к которому он всегда прибегал, чтобы обдумать ситуацию и принять решение.

В этом же письме «московскому градоначальнику» Кутузов сообщал все то, что тремя днями позже подтверждал в своем письме Багратион: «Теперь я обращаю все мое внимание на приращение армии, и первым усилением для оной будут прибывать войска генерала Милорадовича, около пятнадцати тысяч состоящие. За тем Ираклий Иванович Марков извещает меня, что уже одиннадцать полков военного Московского ополчения выступили к разным пунктам. Для сего надежного еще оплота желательно было бы иметь ружья с принадлежностями, и я, усмотрев из Ведомостей, Вашим Сиятельством при отношении ко мне приложенных, что в Московском арсенале есть годных 11 845 ружей и с лишком 2000 мушкетов и карабинов, да требующих некоторой починки ружей, мушкетов и штуцеров с лишком 18 000, покорно просил бы Ваше Сиятельство теми средствами, которые Вы заблагорассудите, приказать починкою исправить <…>. Вызов восьмидесяти тысяч сверх ополчения добровольно вооружающихся сынов Отечества есть черта, доказывающая дух Россиянина и доверенность жителей московских к их начальнику, их оживляющего. <…> Попрошу Ваше Сиятельство направить их к Можайску»[33].

18 августа в Гжатске Кутузов воочию увидел «вторичную стену», приведенную Милорадовичем: всего «пехоты 14 587, конницы 1002». Главнокомандующий приказал раскассировать нижние

чины по полкам для возмещения потерь. Первая мысль полководца, по-видимому, была, что это — не все прибывшие войска. 19 августа Кутузов обратился к начальникам «депо второй линии». Он писал князю Д.И. Лобанову-Ростовскому: «<...> Покорно прошу Вас, милостивый государь мой, из Костромы, Владимира, Рязани, Тамбова, Ярославля и Воронежа, из каждого места по два полка направить к Москве с получения сего»[34]. В подобном же Отношении на имя А.А. Клейнмихеля содержится предписание направить к Москве 9-й и 10-й, 12-й, 13-й и 14-й полки. «Светлейший» сознавал также, что и ожидаемые новобранцы Лобанова-Ростовского и Клейнмихеля должны присоединиться к армии до, а не после генеральной битвы, чтобы основную массу сражавшихся составляли бы уже имеющие боевой опыт войска.

Свои намерения он разъяснил в письме А.И. Горчакову 1-му: «<…> Узнав, <…> что полки вверенные формированию господина генерала от инфантерии князя Лобанова-Ростовского и генерал-лейтенанта Клейнмихеля, пришли уже в некоторую зрелость и вооружены, приказал я полки, находящиеся в Твери, Москве, Подоле, тотчас придвинуть к Можайску, а все прочие их полки направить к Москве (т.е. те полки, которые еще «не пришли в некоторую зрелость». — *Л.И.*)»[35].

В тот же день Кутузов подробно объяснил свои действия в рапорте императору: «Для удобнейшего укомплектования велел я из Гжатска отступить на один марш и, смотря по обстоятельствам, и еще на другой, чтобы присоединить к армии на вышупомянутом основании отправляемых из Москвы в довольном количестве ратников; к тому же местоположение при Гжатске [Царево-Займище. — *Л.И.*] нашел я по обозрению моему для сражения весьма невыгодным. Усилясь <…> как чрез укомплектование потерпевших войск, так и чрез приобщение к армии некоторых полков, формированых князем Лобановым-Ростовским, и части Московской милиции, в состоянии буду для спасения Москвы отдаться на произвол сражения, которое, однако же, предпринято будет со всеми осторожностями, которых важность обстоятельств требовать может». Последняя фраза должна была навести императора на мысль, что Кутузов сразу же определился с приоритетом: в первую очередь, сохранить армию, а потом уже заботиться о спасении Москвы.

В том же рапорте Кутузов известил Александра I о своих намерениях в отношении ополчения: «Имеющуюся ныне с армиею Смоленскую милицию и часть Московской, в готовность пришедшую, употребить я намерен таким образом, что приобщу их к регулярным войскам, не с тем, чтобы ими оные комплектовать, но чтобы их употреблять можно там было иногда с пиками третьей шеренги или употреблять их за баталионами малыми резервами для отвода раненых или для сохранения ружей после убитых <…>. При сем должно взять ту осторожность, чтобы внушить им, что их состояние от того ни мало не мало не переменяется, что они остаются временными воинами и что все от Вашего Императорского Величества им обещанное сохранится свято, сие готов я утвердить им и присягою»[36]. Главнокомандующий считал нужным напомнить монарху о драматической ситуации, в которую попали ополченцы 1806 года, когда после потерь, понесенных в кампании 1806–1807 гг., их, вместо того, чтобы распустить по домам, зачислили в регулярные войска. В качестве действующей в полевом сражении военной силы ополченцев, невооруженных и необученных, сколько бы их не явилось, Кутузов не рассматривал.

Сомнения в том, что предстоящее сражение решит успех всей кампании и остановит продвижение неприятеля, явно проявились в тот день в письме дочери Анне: «<…> Ваше пребывание возле Тарусы мне совсем не нравится, Вы легко можете подвергнуться опасности, ибо что может сделать женщина одна, да еще с детьми; поэтому я хочу, чтобы вы уехали подальше от театра войны. Уезжай же, мой друг! Но я требую, чтобы все сказанное мною было сохранено в глубочайшей тайне, ибо если это получит огласку, вы мне сильно навредите»[37].

20 августа Кутузов снова обратился к главнокомандующему 3-й армии генералу от инфантерии А.П. Тормасову: «Ваше превосходительство согласиться со мной изволите, что в настоящие для России критические минуты, тогда как неприятель находится в сердце России, в предмет действий ваших не может более входить защищение и сохранение отдаленных наших польских провинций, но совокупные силы 3-й армии и Дунайской должны обратиться на отвлечение сил неприятельских, устремленных против 1-й и 2-й армий»[38]. Тот же приказ получил главнокомандующий Дунайской ар-

мией адмирал П.В. Чичагов[39]. За пять дней до сражения полководец мог рассчитывать на сильное содействие с флангов как на едва ли ни главное условие решительного отпора неприятелю с возможным переходом в контрнаступление, поскольку количество и качество присоединившихся к армии войск такой возможности явно не предоставляло. Но ответа ни от Тормасова, ни от Чичагова не поступало.

Оценивая ситуацию, в которой оказался Кутузов накануне генеральной битвы, участник событий и известный военный историк Д.П. Бутурлин впоследствии рассуждал: «Ему [Кутузову] можно поставить в упрек <…>, что он дал Бородинское сражение <…>» по политическим обстоятельствам[40]. К.Ф. Толь, который ближе всех находился к главнокомандующему, так объяснял сложное положение, в котором пребывал в те дни его наставник и начальник: «Общественное мнение настойчиво требовало сражения: нужно было сразиться, чтобы удовлетворить армию и страну. В особенности невозможно было оставить столицу, не обнажив меча. Это сражение, столь давно ожидаемое, стало, таким образом, необходимым злом; но оно, тем не менее, <…> было и безусловно необходимым». По мнению Толя, Кутузов не мог пренебречь настроениями в армии и в обществе: «<…> Почему Российская армия дала сражение при Бородине и для чего, отразив неприятеля и удержав за собою 26-го числа место сражения, предприняла потом отступательное движение, с самого начала войны Российскими армиями производимое, последствием коего было занятие неприятелем Москвы? Дабы разрешить сей вопрос, надлежит поставить на вид: хотя отступательное движение, с самого начала войны Российскими армиями производимое, предписано было уважительными обстоятельствами, однако не менее того войска наши приметным образом начали терять воинский дух, россиянам свойственный, который необходимо нужно было поддержать и возвысить…»[41]. Говоря о потере воинского духа, Толь имел в виду факты общего падения дисциплины в армии, о которых речь идет в рапорте Кутузова Александру I от 19 августа: «Не могу я также скрыть от Вас, Всемилостивейший Государь, что число мародеров весьма умножилось, так что вчера полковник и адъютант Его Императорского Высочества Шульгин собрал их до 2000 человек…»[42]. «Лишается человек воинского духу и субординации», — с тревогой отмечал Багратион. Кутузов уловил критическую точку настроений солдатской массы, которую уже деморали-

зовало затянувшееся отступление; в случае оставления Москвы без сражения общее падение дисциплины, безусловно, могло приобрести необратимый характер.

Хотя К.Ф. Толь впоследствии отмечал, что было «нетрудно понять, что наступательное движение французской армии могло продолжаться лишь до Москвы»»[43], но до Москвы Кутузову (после генерального сражения или без него) следовало еще добраться, сохранив боеспособную армию. В числе важных причин, вынуждавших Кутузова принять сражение, следует назвать неотступное преследование со стороны неприятеля, которое, безусловно, усилилось после оставления Смоленска и по мере приближения к древней столице. Наполеон стремился навязать сражение любой ценой. Этот факт констатировал и Багратион, еще не зная о назначении Кутузова: «Неприятель наш неотвязчив: он идет по следам нашим»[44]. Кутузов в рапорте Александру I от 19 августа сообщал: «<…> Токмо вчерашний день один прошел без военных действий». В период с 17–24 августа три наших арьергарда — «центральный», «южный» и «северный» — сдерживали натиск противника, давая возможность русскому командованию выбрать позицию и расположиться на ней.

После того, как 22 августа русская армия «вступила в лагерь при Бородине», Кутузов осмотрел позицию, повелев «немедленно приступить к укреплению оной». В рапорте Александру I от 23 августа сообщалось: «Позиция, в которой я остановился при деревне Бородине, в 12-ти верстах вперед Можайска, одна из наилучших, **которую только на плоских местах найти можно** (выделено авт. — *Л.И.*). Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить искусством. <…> Желаю, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, тогда я имею большую надежду к победе»[45]. Но дальше полководец рассуждал так: «Но ежели он (неприятель), находя мою позицию крепкою маневрировать станет по другим дорогам, ведущим к Москве, тогда не ручаюся, что может быть должен идти и стать позади Можайска, где все сии дороги сходятся, и как бы то ни было Москву защищать должно»[46]. В тексте письма снова встречаются привычные для Кутузова оговорки «не ручаюся», «может быть». Полководец готовил императора к тому, что отступление обеих армий к Москве может продолжиться. И основания для этого были.

Сражение не давало полководцу «настоящей безошибочной центральной операционной линии»[47]; оторваться от неприятеля можно было только одним способом: «После выбора позиции рассуждаемо было в случае отступления, куда идти. Были голоса, которые тогда еще говорили, что нужно идти по направлению на Калугу, дабы перенести туда театр войны <...>; но Кутузов отвечал: пусть идет на Москву», — вспоминал адъютант Кутузова А.Б. Голицын[48]. Конечно, хотелось бы узнать, кто и когда из русских военачальников присутствовал при «рассуждениях» о вероятности отступления. На основании дневника «генерал-штаба» 2-й армии де Сен-При можно сделать вывод, что это событие состоялось 25 августа: «Французы прикрывали свой левый фланг батареями и ограничились на нашем левом фланге и в центре простой перестрелкой. <…> Может быть, это была наиболее благоприятная минута, чтобы двинуть все наши силы на наш левый фланг и атаковать правый фланг неприятеля. Но главнокомандующий признал более соответствующим выжидать его»[49]. По дневнику Сен-При, «Изображению…» Барклая де Толли, запискам Беннигсена, можно догадаться, о ком идет речь в воспоминаниях А.Б. Голицына: на совещании присутствовали главнокомандующие армиями и начальники штабов, то есть, кроме Кутузова, это были Беннигсен, Барклай, Багратион, Ермолов, Сен-При. Таким образом, ни для кого из высшего командования русскими войсками не было секретом, что сражение ограничится оборонительными действиями, как «более соответствующими» ситуации. Кутузов же сознавал, что, приняв сражение, нужно было уйти от преследования через Москву, так как только этот «максимум момента», по «техническому» термину К.Ф. Толя, дал ему возможность оторваться от неприятеля, потом создав операционный базис в Калужской губернии. Следует удивляться лишь тому, что военачальники обсуждали как наиболее приемлемый вариант отступление на Калугу, но это направление никем не было озвучено позже — 1 сентября на Военном совете в Филях.

Накануне Бородинской битвы Кутузов все еще ожидал резервов и помощи со стороны фланговых армий. Но он уже предупредил императора и соратников о весьма вероятном отступлении в случае флангового обхода. Как известно, Бородинская позиция соответствовала всем этим мерам предосторожности: сочетание природных и

искусственных препятствий почти полностью исключало вероятность нападения неприятеля на правом фланге, пересекавшем Новую Смоленскую дорогу — кратчайший и удобнейший путь к Москве. Все военные авторитеты в один голос указывали на самую большую опасность, которая может подстерегать полководца — «подвергнуть себя опасности оказаться без обеспеченного отступления и в случае неудачи встретить противника на своих сообщениях»[50]. После сражения осуществить движение к Москве Кутузов мог только этим путем, с чем был согласен и Беннигсен: «Когда же мы узнали <…> какие силы мы могли противопоставить неприятелю, и что у нас уже не было достаточно пехоты <…>, то было принято благоразумное решение отступить в ночь по Можайской дороге, — единственной, которой мы могли воспользоваться в этих критических обстоятельствах»[51].

26 августа в генеральном сражении при селе Бородине русские войска, превосходящим силам неприятеля на левом фланге около 1,5 верст, до наступления темноты сумели удержать оборону по линии Горки — Псарево — Утицкий лес, и главное — не были разбиты. Потери с обеих сторон были велики: русская армия потеряла 24–26 августа от 45 до 50 тыс. человек, а Великая армия — около 35 тыс. Главную причину значительных потерь генерал К. Клаузевиц, участник сражения, видел в плотности боевых порядков русской армии, объясняемых необходимостью противостоять «лобовым» атакам наполеоновских войск: «Русская армия дралась в тот день в беспримерном по тесноте и глубине построении. Столь же тесно, а следовательно примерно так же глубоко, построилась и французская армия. Этим объясняется сильное и упорное сопротивление русских < …>. Этим же объясняются и огромные потери людьми»[52]. Об этом же вспоминал офицер квартирмейстерской части Н.Н. Муравьев: «<…> Принимая в расчет части, находившиеся в общем резерве, как и кавалерийские дивизии, оказывалось, что войска левого фланга стояли в шесть и даже в семь линий. <…> По сей причине неприятелю было трудно прорвать наш фронт; но потеряли много людей от действия неприятельской артиллерии <…>»[53]. Позиция русских войск на левом фланге, по-видимому, все же не заслуживает тех нареканий, которые были высказаны в мемуарных источниках Беннигсеном и Барклаем де Толли, которые превратились в жест-

ких оппонентов главнокомандующего в период пребывания русских войск при Тарутино. Во всяком случае, начальник артиллерии А.И. Кутайсов, со слов принца Евгения Вюртембергского, командовавшего 4-й пехотной дивизией, сражавшейся на левом фланге, был убежден, что «и перед самой Москвой мы не нашли бы позиции, которая была бы удобнее к бою»[54]. К этому важно присовокупить мнение генерал-лейтенанта П.П. Коновницына, руководившего обороной этого участка русской позиции: «Противу французов слишком крепкие позиции невыгодны, а лутше располагаться на равнинах и открытых местах, лишь бы фланги были обеспечены <…> но фронт позиции должен быть сколько можно открытее, и для того надлежит разбирать все изгороди и плетни впереди находящиеся, и выжечь или скосить хлеб на немалое расстояние»[55].

Следует отметить, что в отечественной историографии сложилась довольно странная традиция: преувеличивать успехи Великой армии Наполеона, уменьшая при этом несомненный успех русской армии, выстоявшей в генеральной битве, не позволившей прорвать фронт и не допустившей поражения в оборонительном сражении. Следует отметить особую актуальность недавно опубликованной статьи Л.И. Агронова, содержащей «фронтальное» цитирование исходящих от воинов неприятельской армии источников, с полным и уточненным переводом их фрагментов, относящихся к итогам Бородинского сражения. Приведем здесь высказывания лишь нескольких авторов, чья позиция в оценке результатов битвы существенно отличалась от 18-го «победного» бюллетеня Наполеона и даже вступала с ним в явное противоречие. Так, К.Ф. Меневаль, «секретарь портфеля» императора Наполеона, так объяснял его отказ ввести в бой гвардию: «<…> Наполеон не мог совершить неосторожность, оставшись без войск перед возможным контр наступлением противника, которого не рассматривали как разбитого»[56]. По словам Меневаля, Наполеон в день самой битвы «ответил на претензии в его адрес по этому поводу: „А если завтра будет вторая битва, с кем я буду сражаться?“». Сохранение гвардии, которое исследователи часто приписывают предусмотрительности этого полководца на случай затяжной кампании, в его глазах могло быть связано с краткосрочной перспективой следующего дня. Эта же мысль находит подтверждение и в воспоминаниях Л.Ф. Лежена, адъютанта начальника Глав-

ного штаба маршала Л.А. Бертье: «<…> Не было никаких доказательств тому, что на следующий день сражение не возобновится»[57]. Другой адъютант маршала Бертье Р. Монтескью Фезансак также весьма пессимистически оценивал «успех» французского оружия: «Мы никогда не несли столь больших потерь, никогда дух армии не был столь подорван. <…> Такое угнетенное состояние, естественное для побежденной армии, было примечательным после генерального сражения, после победы, открывшей нам врата Москвы»[58]. Командир 2-й пехотной дивизии генерал Ф. Роге, «бонапартист по убеждениям», утверждал, что Наполеон отказался ввести в бой гвардию «из-за бессмысленности жертв новой атаки». Он же признавал в своих воспоминаниях: «Дорого купленная победа не могла быть полной, хотя писатели утверждали, что она даст нам мир»[59]. Жиро де л'Эн, адъютант командира 4-й пехотной дивизии также свидетельствовал в своих воспоминаниях: «<…> генерал Кутузов мог спокойно отступить, увозя с собой все пушки, экипажи и амбулансы (т.е. раненых. — *Л.И.*) <…>. Одно несомненно, видя как закончился этот день, мы были убеждены, что на следующий день бал возобновится, чего однако не случилось»[60].

Карл фон Клаузевиц утверждал, что «преследование разбитой армии начинается в тот момент, когда эта армия, прекращая бой, оставляет свои позиции; все остальные передвижения в том или другом направлении относятся к ходу самой битвы (т.е. захват села Бородина, захват флешей, захват Семеновского, захват батареи Раевского. — *Л.И.*). Обычно победа в такой момент, даже если она несомненна, все же невелика и слаба по своим размерам и не может считаться сколько-нибудь значительным событием, если не завершена в первый же день преследованием»[61].

Едва стихли залпы орудий, Кутузов обратился с одинаковым распоряжением к Барклаю и к Дохтурову: «Я из всех движений неприятельских вижу, что он не менее нас ослабел в сие сражение, и потому, завязавши уже дело с ним, решился я сегодняшнюю ночь устроить все войско в порядок, снабдить артиллерию новыми зарядами и завтра возобновить сражение с неприятелем. Ибо всякое отступление при теперешнем беспорядке повлечет за собою потерю всей артиллерии»[62]. Из этого документа, как и из вышеприведенных свидетельств воинов Великой армии, явствует, что русские войска в сражении выстояли,

коль скоро Кутузов, по необходимости, но вопреки своей воле, готов был вновь принять сражение. В русской армии в пропорции к ее численности был переизбыток артиллерийских орудий. Если бы Кутузов не успел вывезти их с поля боя, продолжать войну было бы бессмысленно, и ни о какой победе речь бы не шла.

Барклай де Толли в одном из «оправдательных» писем Александру I сообщал: «<…> В 9 часов утра нигде не виден был неприятель поблизости поля сражения, после 9 часов показались рассеянные войска, вероятно, для исполнения рекогносцировки»[63]. Ему же принадлежит наиболее оптимистическая оценка итогов Бородинской битвы в письме Александру I от 3 ноября 1812 г.: «<…> 26-го августа показали мы врагу нашему и целому свету как можем мы защищать себя!.. Известно, что он, отраженный от всех пунктов с бесчисленною потерею, удалился с места сего <…> беспримерного сражения»[64]. Заметим, что у Барклая не было намерения преувеличивать успехи армии под командованием Кутузова, к которому он более чем критически настроен. Следовательно, нет оснований считать, что сам Кутузов сильно преувеличивал свои успехи в письме супруге Екатерине Ильиничне: «Я, слава Богу, здоров, и не побит, а выиграл баталию над Бонапартием. Детям благословение»[65].

27 сентября князь П.И. Багратион, несмотря на приказ Кутузова от 18 августа, все же направил от себя напрямую рапорт императору: «В сей день всемилостивейший государь, войско русское показало совершенную неустрашимость и неслыханную храбрость от генерала до солдата. Неприятель видел и узнал, что русские воины, горящие истинною к тебе, всемилостивейший государь, и отечеству любовию, бесстрашно все готовы пролить кровь, защищая августейший твой престол и отечество. День сей пребудет и в предбудущие времена знаменит редким героизмом русских воинов, жертвовавших охотно своею жизнию так, что во второй вверенной мне армии, занимавшей и теперь левый фланг, и на который подобно как и 24-го числа, неприятель более всего стремился, редкий штаб-офицер вышел без ран; корпусные же и дивизионные начальники все почти изранены… Они были примером всем прочим воинам в неустрашимости и храбрости что самое, как и благоразумные их распоряжения, **доставили в сем деле войску нашему поверхность над неприятелем** (выделено авт. — *Л.И.*)»[66].

Наконец, Л.Л. Беннигсен 10 сентября, когда стало известно о наградах Кутузову, написал в письме своей супруге: «Князь Кутузов был щедро награжден: чином фельдмаршала, 100 000 рублей и портретом для мадам (супруга Екатерина Ильинична была пожалована в придворный чин статс-дамы. — *Л.И.*); я восхищен этим, потому что он мой друг — можно ли обвинить меня, если я начну гордиться. Когда я его поздравил, он обнял меня и прошептал мне на ухо: «Я многим тебе обязан, Леон Леонтич», со слезами на глазах, что меня действительно растрогало. Однако, когда я вспоминаю, сколько раз в дни 24-го и 26-го я подвергался опасности быть покалеченным или убитым, чтобы механизм хорошо работал, я нахожу, что мне немного трудно в конце концов уступить место другому, даже другу, если для тебя нет ордена Святой Екатерины <…>»[67]. То есть ни о недостатках позиции, ни о проигранном сражении в этом письме, а не в поздних записках речи не идет.

Ситуация в конце сражения отражена в «Замечаниях на Бородинское сражение» начальника штаба 2-й армии Э.Ф. Сен-При: «Более пострадавшая 2 армия была действительно ослаблена наполовину и во время сражения потеряла деревню, составлявшую ее левый фланг, и прикрывавшие его флеши, но линия армии не была прорвана, и ее левый фланг был только осажден назад: кроме того вялость неприятельской атаки к вечеру, несмотря на выгоду его позиции, достаточно доказывала, что его потеря должна была быть очень значительной»[68]. Пожалуй, следует процитировать и строки из письма генерала Д.С. Дохтурова супруге от 3 сентября, в котором он возмущался оставлением Москвы: «Не проиграв сражения, мы отступили до этого места без боя!»[69] Ранее (28 августа) он сообщал тому же адресату: «Наши дрались отчаянно, неприятель атаковал весьма дерзко, <…> одним словом сражались с удивительным мужеством и удержали место до ночи, где и ночевали, а в 5 часов немного отступили к Можайску»[70].

26 августа (место сражения при сельце Бородино) Кутузов направил письмо Ростопчину: «Сего дня было весьма жаркое и кровопролитное сражение. С помощию Божиею русское войско не уступило в нем не шагу, хотя неприятель в весьма превосходных силах действовал против него. Завтра, надеюсь я, возлагая мое упование на Бога и на московскую святыню, с новыми силами с ним сразиться.

От вашего сиятельства зависит доставить мне из войск, под начальством вашим состоящих, столько, сколько можно будет»[71]. Опасность потерять армию в «большом сражении», на которое Кутузов решился по причинам, как тогда говорили, «нематериального характера», уже не грозила, но необходимо было оправдать свои дальнейшие действия, в то время, как армия, согласно «Диспозиции 1-й и 2-й Западным армиям на 27 августа 1812 г. к переходу за Можайск», которую подписал генерал-майор Вистицкий, оставила поле битвы и сумела оторваться от преследования: многочисленная артиллерия должна была «выступить тотчас же и двигаться по почтовой дороге (по средней полосе Новой Смоленской дороги. — *Л.И.*), которую она заняла полностью: и среднюю, «почтовую», часть, и обе боковые. Пехотные и кавалерийские корпуса и часть артиллерии должны выступить «в 2 часа по полуночи» и двигаться по проселочным дорогам[72].

Увезти орудия подальше от поля боя, конечно, стоило немалых усилий, что следует из обращения Кутузова к Барклаю де Толли 29 августа: «Как артиллерия в сражении при Бородине потеряла много лошадей, то я предлагаю <…> предложить конным воинам ополчения, чтобы они уступили своих лошадей за хорошую цену»[73]. Документ подтверждает, во-первых, что преследование со стороны неприятеля, если и было, то слабое; во-вторых, что фельдмаршал по-прежнему не рассматривал ополченцев как «вторую стену», которую можно поставить под картечь и ядра в битве под Москвой.

Только убедившись в том, что он сумел оторваться от преследования, Кутузов мог с полным основанием направить 27 августа рапорт императору: «Ваше императорское величество изволите согласиться, что после кровопролитнейшего и 15 часов продолжавшегося сражения наша и неприятельская армия не могли не расстроиться и за потерею, сей день сделанною, позиция, прежде занимаемая, естественно, стала обширнее и войскам невместною, а потому, когда **дело идет не о славах выигранных только баталий, но вся цель будучи устремлена на истребление французской армии** (выделено авт. — *Л.И.*), ночевав на месте сражения, я взял намерение отступить 6 верст, что будет за Можайском, и, собрав расстроенные баталиею войска, освежа мою артиллерию и укрепив себя ополчением Московским, в теплом уповании на помощь всевышнего и на

оказанную неимоверную храбрость наших войск **увижу я, что могу предпринять** (выделено авт. — *Л.И.*) противу неприятеля»[74]. В рапорте императору главнокомандующий впервые вполне определенно выразил свое отношение к битвам «лоб в лоб» и конечной цели, которую он ставил перед собой. В этом отношении особенно показателен конец затейливо построенной фразы, содержащей перечисления благоприятных обстоятельств, включая «упование на помощь всевышнего» и «неимоверную храбрость войск», за которыми следует отнюдь не намерение сразиться с неприятелем, а всего лишь «увидеть, что могу предпринять».

Император приказал при публикации изъять из текста фрагмент, начиная со слов «Ваше императорское величество…», а по поводу фразы «я взял намерение отступить 6 верст» он написал своей сестре великой княгине Екатерине Павловне: «Эти роковые 6 верст, отравившие мне радость победы»[75]. Но в том же письме он обращается к сестре: «Вспомните, как часто в наших с вами беседах мы предвидели эти неудачи, допускали даже возможность потери обеих столиц <…>». Александр I в письме адмиралу П.В. Чичагову от 5 сентября, уже зная об оставлении Москвы, сообщал по поводу назначения М.И. Кутузова: «Славные дни 24, 25, 26 августа, когда Наполеон был совершенно отбит <…>, несмотря на все его усилия, оправдали до некоторой степени этот выбор»[76].

Письмо Кутузова к Ростопчину от того же 27 числа повторяет рапорт императору слово в слово, но в тексте добавлен абзац: «Чистосердечие, с которым я вам сие сообщаю, и намерения мои должны успокоить Москву, а за вызовом, вашим сиятельством сделанным, ожидаю от известной любви вашей к отечеству тех усилий, которые может столица Москва армии дать»[77]. В тот же день Кутузов направил Ростопчину письмо, из которого явствует, что градус во взаимоотношениях главнокомандующего всеми Российскими армиями и подчиненного ему Московского главнокомандующего, коль скоро войска вступила в пределы Московской губернии, накаляется: «После кровопролитнейшего сражения, вчерашнего числа происходившего, в котором войска наши потерпели естественно важную потерю, сообразную их мужеству, намерение мое, хотя баталия и совершенно выиграна, для нанесения сильного почувствования неприятелю состоит в том, чтобы, притянув к себе столько спосо-

бов, сколько можно только получить, у Москвы выдержать решительную, может быть, битву противу, конечно, уже несколько пораженных сил его. <…> Отправляю полковника князя Кудашева <…> просить, чтобы все то, что может дать Москва в рассуждении войск, прибавки артиллерии, снарядов и лошадей и прочего, имеемого ожидать от верных сынов отечества, все бы было то приобщено к армии, ожидающей сразиться с неприятелем. И к кому же надежнее могу я во всех сих нуждах обратиться, как не к <…> предводителю древней столицы»[78].

28 августа Кутузов вновь направляет приказ князю Д.И. Лобанову-Ростовскому: «<…> Направление войск под начальством вашим должно иметь направление к Москве наискорейшим образом и, если помощь, которую я ожидаю, не последует в надлежащее время, то вся ответственность падет на вас»[79]. В то же день главнокомандующий отдал приказ по армиям, в котором были следующие слова: «Ныне, нанеся ужаснейшее поражение врагу нашему, мы дадим ему с помощию Божиею конечный удар. Для сего **войска наши идут навстречу свежим воинам, пылающим тем же рвением сразиться с неприятелем** (выделено авт. — *Л.И.*)»[80].

29 августа Кутузов вновь направляет рапорт императору: «Баталия 26-го числа бывшая, была самая кровопролитнейшая из тех, которые в новейших временах известны. Место баталии нами одержано совершенно, и неприятель ретировался тогда в ту позицию, в которую пришел нас атаковать. Но чрезвычайная потеря, и с нашей стороны сделанная, особливо тем, что переранены самые нужные генералы, принудила меня отступить по Московской дороге. Сегодня нахожусь я в деревне Наре и должен отступить еще потому, что ни одно из тех войск, которые ко мне для подкрепления следуют, ко мне еще не сближились, а именно: три полка в Москве сформированных под орденом генерал-лейтенанта Клейнмихеля, и полки сформированные князя Лобанова, которые приближаются к Москве»[81].

В тот же день, 29 августа, Московский генерал-губернатор Ростопчин направил письмо министру полиции генерал-адъютанту А.Д. Балашову: «Сердце мое обливается кровию, видя по нещастию теперь возможность неприятелю быть в столице…»[82] Таким образом, Ростопчин и сам сознает вероятность оставления Москвы неприятелю. Следует признать, что Московский генерал-губернатор

был единственным человеком, которому Кутузов в неопределенной форме, но «делал авансы» касательно своего намерения защищать Москву, что можно объяснить содержанием их переписки: «Светлейший» требовал ускорить прибытия подкреплений, которых в тот момент не было, что не мог сознавать и сам Ростопчин. Главная его обида на Кутузова заключалась в том, что он был последним, кого полководец известил об оставлении Москвы, но на это были свои причины: «Светлейший» вдруг узнал, что граф Ростопчин «вознамерился поступать как Римлянин», а именно: в случае невозможности отстоять Москву сжечь древнюю столицу. Об этом он поставил в известность Багратиона письмом от 12 августа, с которым «Второй главнокомандующий» явился в Главную квартиру Кутузова: «Народ здешний, по верности к Государю и любви к отечеству, решительно умрет у стен московских, а если Бог не поможет в его благом предприятии, то, следуя русскому обычаю: не доставайся злодею, обратит город в пепел…»[83] «Светлейший» воспринял эту новость как несвоевременную напасть. Как заметил историк, «<…> замысел Ростопчина — предать Москву пламени перед вступлением в нее французов (равно как и любые меры по ее сожжению) — вопиющим образом противоречили планам Кутузова, путая все его стратегические карты. Это бы не только ставило в тяжелейшее положение русские войска, воспрепятствовав их отступлению через Москву, но могло бы подтолкнуть Наполеона на совершенно непредсказуемые действия»[84]. Ситуация, при которой Кутузов старательно избегал общения с Ростопчиным, свидетельствует о том, что полководец, продвигаясь с армией к Москве, действительно предполагал пройти через город, чтобы оторваться от преследования.

30 августа в селе Вязема Кутузов отдал приказ по армиям, в котором возникает тема сражения, но не столько как попытка защитить древнюю Москву, а как его суждение о положении, в котором оказался неприятель и которое неизбежно со временем должно было осложниться: «Генеральное сражение, которое **неприятель, находясь от недостатка в продовольствии в гибельном положении** (выделено авт. — *Л.И.*), конечно, предпримет дерзость нам дать, должно решить его участь»[85]. 30 августа из селения Вяземы Кутузов направил очередное письмо Ростопчину, где, невзирая на драматизм обстоятельств, проступает нескрываемая ирония: «Войски мои, несмо-

тря на кровопролитное бывшее 26 числа сражение, остались в таком почтенном числе, что не только в силах противиться неприятелю, но даже ожидать и поверхности над оным. Но между тем неприятельский корпус находится ныне на Звенигородской дороге. Неужели не найдет он гроб свой от дружины Московской, когда б осмелился он посягнуть на столицу московскую на сей дороге…»[86] Так в переписке с Московским генерал-губернатором неслучайно возникает тема о многочисленной «дружине Московской».

19 августа к армии возвратился поручик М.Ф. Орлов, которого за неделю до прибытия Кутузова Барклай направил парламентером в войска Наполеона «для узнания о взятом в плен генерал-майоре Тучкове»[87]. Находясь в войсках неприятеля девять дней, Орлов определял его силы 165 тысячами. В рапорте Александру I от 19 августа Кутузов отнесся к этим сведениям несколько скептически: «Но по расспросам, делаемым нашими офицерами по квартирмейстерской части от пленных, полагаю я донесение Орлова несколько преувеличенным»[88].

Если бы Кутузов знал, как дальше развернутся события с резервами, может быть, он и не стал бы делать этой приписки. 30 августа до Кутузова дошел ответ императора, который публикуется в сборниках не по дате получения, а по дате отправления 24 августа: «<…> Нахожу необходимым, дабы вы формируемых полков под ведением генерал-лейтенанта Лобанова и генерал-лейтенанта Клейнмихеля в армию не требовали на первый случай <…>. Московская сила с приписанными к ней губерниями составляет до 80 000 человек, кои не переменяя ни своего предназначения, ни одежды, могут весьма служить в армиях, даже быв размещены при регулярных полках»[89]. В рескрипте императора также говорилось: «Князь Михайло Ларионович! <…> Мнение же Ваше, полагающее донесение о состоянии неприятельских сил 165 ты[сяч] преувеличенным, оставляет Меня в приятной уверенности, что вышеозначенное число усердных русских воинов под предводительством опытного и прозорливого Полководца поставит преграду дальнему вторжению наглого врага и, увенчав Вас бессмертною славою, передаст имя Ваше потомству как Избавителя Москвы, а вверенное Вам воинство украсится вечными Лаврами»[90]. Кутузов, прочитав ответ императора, понял, что руки у него развязаны, но не смог отказать себе в том, чтобы упомянуть о 80-тысячной

«дружине» графу Ростопчину. Вспомним также, что Кутузов так и не получил сведения и местонахождении фланговых армий Тормасова и Чичагова, на содействие которых он должен был особенно рассчитывать. Ответственность за принятие весьма непопулярных решений, которые задним числом император и Барклай де Толи ставили себе в заслугу, в те дни лежало на Кутузове, хотя император, по-видимому, был готов к этому, что явствовало из письма графу П.А. Толстому от 8 сентября, когда он еще не получил рапорта Кутузова об этом событии: «Причина сей непонятной решимости остается Мне совершенно сокровенна, и Я не знаю, стыд ли России она принесет, или имеет предметом уловить врага в сети»[91]. Император, как и Кутузов, не мог не заметить, что Наполеон уже достиг «максимума момента».

31 августа, в тот день, когда Кутузов получил рескрипт с пожалованием ему чина генерал-фельдмаршала, касательно предстоящей битвы под стенами Москвы составлено было два документа. Это было письмо генерал-майору Ланскому: «Армия остановилась под Москвою с неприятелем. Хотя я имею надежду на поверхность, но участь у оружья бывает непостоянная», с пометой «Сей номер не послан». В тот же день фельдмаршал отдал распоряжение генералу Ермолову составить предписание генералу Милорадовичу, командовавшему арьергардом: «Теперь приближающимся нам к Москве, где должно быть сражение, решающее успехи кампании и участь Государства, на некоторое время неприятеля удержать должно сколько возможно. Армия произвести должна работы, распределить приспевающие на усиление ее войски, на все надобно время». Подпись «генерал-майор Ермолов»[92]. Из неопределенности, с которой говорилось в текстах обоих документов о вероятности сражения у стен Москвы, можно сделать вывод, что Кутузов сформулировал не только для себя, но и для своих соратников мысль, которую он «озвучил» на Военном совете в Филях. Это была концепция его излюбленной стратегии, в успехе которой он нисколько не сомневался. В Журнале военных действия 1 сентября появилась запись: «<…> Фельдмаршал <…> сказал, что с потерянием Москвы не потеряна еще Россия и что первою обязанностию поставляет он сберечь армию, сблизиться к тем войскам, которые идут к ней на подкрепление, и самим уступлением Москвы приготовить неизбежную гибель неприятелю и потому намерен, пройдя Москву, отступить по Рязанской дороге»[93].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Письма кн. Кутузова-Смоленского к Калужскому городскому голове И.В. Меньшому Торубаеву в 1812–13 годах. Калуга, 1912. С. 7.

[2] *Бутовский И.Г.* Фельдмаршал князь Кутузов при конце и в начале своего боевого поприща. Первая война Александра I с Наполеоном I в 1805 г. СПб., 1858. С. 37.

[3] Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 21–22.

[4] Бородино. Документальная хроника. М., 2004. С. 12–13..

[5] [*Ермолов А.П.*] Записки А.П. Ермолова. 1798–1826. М., 1991. С. 177.

[6] [*Жиркевич И.С.*] Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789–1848. М.. 2009. С. 76.

[7] [*Ермолов А.П.*] Записки А.П. Ермолова. 1798–1826. М., 1991. С. 183.

[8] Труды ИРВИО. Т. VI. Кн. 2. СПб., 1912. С. 12.

[9] Труды ИРВИО. Т. V. Кн. 1. СПб., 1912. С. 8.

[10] *Дубровин Н.Ф.* Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). М.. 2006. С. 89.

[11] Там же. С. 98.

[12] Там же. С. 98–99.

[13] *Дубровин Н.Ф.* Отечественная война в письмах современников… С. 108.

[14] Там же. С. 100.

[15] [*Старков Я.И.*] Рассказы старого воина о Суворове. М., 1847. С. 72.

[16] *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 36.

[17] *Беннигсен Л.Л.* Письма о войне 1812 г. Киев, 1912. С. 77.

[18] ЧОИДР. 1861. Кн. 3. Ч. 5. С. 220–221.

[19] *[Сен-При Э.Ф.*] Бумаги графа Сен-При // *Харкевич В.И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. 2. Вильна, 1900. С. 149.

[20] Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 16.

[21] Там же. С. 14.

[22] Там же. С. 17.

[23] Бородино: Документальная хроника. М., 2004. С. 46

[24] Бородино. Документы, письма, воспоминания... С. 21.

[25] *Барклай де Толли М.Б.* Изображение военных действий первой Армии в 1812 году // Изображение военных действий 1812 года (репринтное издание 1912 г.). М., 2012. С. 22.

[26] М.И. Кутузов: Сб. документов. Т. 4. Ч. 1. С. 87.

[27] [*Сен-При Э.Ф.*] Бумаги графа Сен-При. С. 148.

[28] *Дубровин Н.Ф.* Отечественная война в письмах современников… С. 104.

[29] *Маевский С.И.* Мой век. 1793–1826. М., 2016. С. 52.

[30] Замечания на войну 1812 года генерала Ладыгина (публикация В.М. Безотосного) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. XIII: Сборник материалов. К 200-летию Венского конгресса. М., 2015. С. 399.

[31] *Толь К.Ф.* Критика сочинения Описание Отечественной войны. С. 196–197.

[32] Фельдмаршал Кутузов. Документы. Дневники. Воспоминания. С. 168.

[33] Бородино. Документальная хроника. М., 2004. С. 11.

[34] Бородино. Документы, письма, воспоминания… С. 30.

[35] Там же. С. 33.

[36] Бородино. Документальная хроника. М., 2004. С. 25.

[37] Бородино. Документы, письма, воспоминания… С. 43.

[38] Там же. С. 21.

[39] Там же. С. 20.

[40] *Бутурлин Д.П.* Кутузов в 1812 году. Историческая характеристика // Русская старина. № 12. С. 152.

[41] *Толь К.Ф.* Описание битвы при селе Бородине 24–26 августа… СПб., 1839. С. 48–49.

[42] Бородино. Документальная хроника. С. 25.

[43] *Толь К.Ф.* Критика сочинения: Описание Отечественной войны. С. 196–197.

[44] *Дубровин Н.Ф.* 1812 год в письмах современников… С. 93.

[45] Бородино. Документы, письма, воспоминания... С. 64.

[46] Там же.

[47] Записка о войне князя А.Б. Голицына // *Военский К.А.* Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 году. М., 2011. С. 196.

[48] Там же. С. 192.

[49] [*Сен-При Э.Ф.*] Бумаги графа Сен-При. С. 153.

[50] Эрцгерцог Карл Габсбург. Основы высшего военного искусства. С. 90.

[51] Записки графа Л.Л. Беннигсена о кампании 1812 года. С. 499.

[52] *Клаузевиц К.* 1812 год. С. 89.

[53] *Муравьев-Карсский Н.Н.* Собственные записки. 1811–1816. М., 2015. С. 151–152.

[54] *Евг. Вюртембергский.* Воспоминания о кампании 1812 года в России // Военный журнал. № 1. СПб., 1848. С. 53.

[55] Из записных книжек П.П. Коновницына // В кн.: Иванов Е.П. Генерал Петр Петрович Коновницын. Псков, 2002. С. 197.

[56] *Агронов Л.И.* Итоги Бородинской битвы глазами армии Наполеона по материалам источников личного происхождения // Эпоха 1812 года: Ис-

следования. Источники. Историография. XVIII: Сборник материалов. М.: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2021. С. 226.

[57] Там же. С. 230.

[58] Там же С. 235.

[59] Там же. С. 249.

[60] Там же. С. 271.

[61] *Клаузевиц К.* Принципы ведения войны. С. 94.

[62] Бородино. Документы, письма, воспоминания… С. 96; Бородино. Документальная хроника. С. 111.

[63] *Барклай де Толли М.Б.* Изображение военных действий 1-й армии. С. 33–34.

[64] Барклай де Толли М.Б. Труды ИРВИО. Т. VI. С. 10.

[65] Бородино. Документы, письма, воспоминания… С. 111.

[66] Там же. С. 110.

[67] *Дубровин Н.Ф.* Отечественная война в письмах современников. С. 125.

[68] Бумаги графа Сен-При. С. 168–169.

[69] [*Дохтуров Д.С.*] Письма Д.С. Дохтурова к его супруге. 1805–1814 // Русский архив. 1874. № 5. Ст. 1099.

[70] Там же. Ст. 1096.

[71] Бородино. Документы, письма, воспоминания… С. 96.

[72] Там же. С. 105.

[73] Бородино. Документальная хроника. С. 131.

[74] Бородино. Документы, письма, воспоминания... С. 102.

[75] *Николай Михайлович, великий князь.* Переписка императора Александра с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 82.

[76] Военно-исторический сборник. 1912. № 3. С. 210.

[77] Бородино. Документы, письма, воспоминания… С. 104.

[78] Там же. С. 107.

[79] М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. 1. С. 171.

[80] Бородино. Документальная хроника. М., 2004. С. 124.

[81] Там же. С. 129–130.

[82] Там же. С. 133.

[83] *Дубровин Н.Ф.* 1812 год в письмах современников... С. 94.

[84] *Тартаковский А.Г.* Обманутый Герострат // Родина, 1992, № 6–7. С. 93.

[85] Бородино. Документальная хроника… С. 136.

[86] Там же. С. 138.

[87] Там же. С. 30.

[88] Бородино. Документы, письма, воспоминания... С. 28.
[89] Там же. С. 78–79.
[90] Там же. С. 99–100.
[91] ЧИОИДР. М., 1913. Кн. 4. С. 4.
[92] Бородино. Документальная хроника… С. 152.
[93] Фельдмаршал Кутузов. Документы. Дневники. Воспоминания. М., 1995. С. 195.